

А. П. МАРТЕМЬЯНОВ

**ИЗ ИСТОРИИ ОБЩИННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ФРАКИИ
И НИЖНЕЙ МЕЗИИ В I-III вв. н. э.**

Характерной чертой исторического развития фракийских земель в первых веках н. э. считается наличие там, особенно в деревенской местности, унаследованных от более раннего времени прочных общинных традиций. Мнение М. И. Ростовцева, называвшего римскую Фракию страной мелкого крестьянского землевладения, деревень и процветавших сельских общин (village communities), впоследствии поддерживали почти все авторы работ, в которых рассматриваются проблемы социальной организации населения восточнобалканских провинций Рима. Вероятно, именно такое единодушие по-

зволило Е. С. Голубцовой охарактеризовать вопрос о фракийской общине не только как один из наиболее интересных, но и как сравнительно хорошо изученный, не вызывающий никаких разногласий. Однако представляется, что в действительности это не совсем так. История общинных отношений во фракийских землях исследована в недостаточной мере. Ни одной специально посвященной ей обобщающей работы до сих пор нет. Обращение же к отдельным аспектам этой проблематики нередко порождает дискуссионные вопросы - о характере и степени зависимости общинников от собственников земли, на которой они проживали, о том, обладали ли деревенские жители равноправием с горожанами, и др. Чтобы определить природу расхождений во взглядах ученых на такого рода проблемы и, главное, получить цельное представление о сельской общине Фракии и Нижней Мезии, необходимо проведение исследования, основанного на всестороннем комплексном анализе и обобщении свидетельств всех имеющихся в распоряжении специалистов источников. Начальным этапом этой большой, трудоемкой работы может стать выявление тех характеристик общинной организации крестьянства восточнобалканских провинций, которые в свете данных источников ныне выглядят наиболее обоснованными. Они представляются следующими.

В первых веках н. э. земледельцы-общинники, вероятно, составляли основную часть населения Фракии и Нижней Мезии. Города здесь были относительно небольшими, а эпиграфический материал свидетельствует о массовых наборах в войска с их территорий (CIL. III, 4458, 7437 (=6150), 12416, 14507; VI, 32623, 32624, 32627, 32630, 32634, 32640, 32660; X, 1754; XVI, 90, 106, 143e. a.), что само по себе предполагает наличие многочисленного свободного крестьянства.

Данными эпиграфики засвидетельствовано существование сел в самых различных областях фракийских земель. Особенно часто упоминаются в источниках села в Малой Скифии, на территориях Филиппополя (CIL. VI, 32543, 32546; IGBR. III (1), 947, 1133, 1197, 1340, 1445, 1455 e. a.), Пауталии (CIL. VI, 32660; IGBR. IV, 2192-2194, 2203, 2216, 2232-2234 e. a.), Августы Траяна (IGBR. III(2), 1593, 1690, 1711).

Многие села Нижней Мезии и Фракии имели квазимуниципальное устройство, обладали самоуправлением, организованным примерно по тому же принципу, что и в провинциальных городах. Сельские поселения, не располагавшие самоуправлением, могли, как показывают надписи с территорий Филиппополя (IGBR. III (1), 1473, 1474) и Сердики (IGBR. IV, 2043, 2044), объединяться в организации типа комархий.

Судя по находкам межевых знаков (CIL. III, 12488, 12508, 14447; IGBR. 111(1), 1390, 1455, 1472, 1514, 1550 e. a.), каждому селу принадлежала постоянная, четко определенная территория. Получить представление об аграрных от-

ношениях в сельской местности и положении крестьян-общинников можно на основании известной надписи 23 8 г. н. э. из села Скаптопара на территории Пауталии (IGBR. IV, 2236). Из нее следует, что сельчане распоряжались землями своей общины на правах «совладельцев». С юридической точки зрения земли провинциальных общин рассматривались как собственность римского народа и императора, поэтому за владение и пользование ими сельское население платило поземельный налог, несло различные государственные повинности. Однако то обстоятельство, что жители Скаптопары именуют себя «домовладельцами», владеют имуществом в своем селе, позволяет видеть в них юридически свободных землевладельцев.

К концу II - первым десятилетиям III в. н. э. относится включение сельских жителей фракийских земель в городские филы (IGBR. III (1), 1445, 1473, 1474 е. а.), что, возможно, является результатом политики римской администрации по отношению к провинциальному населению в соответствии с эдиктом Каракаллы. В то же время наблюдается тенденция к усилению зависимости сельских общин от городских властей, обязывавших крестьян нести все более обременительные повинности. К числу таких обязательств жителей сел эдикт провинциального наместника от 202 г. н. э. о реорганизации эмпория Пизос на территории Августы Траяна (IGBR. III (1), 1690) относит прежде всего принудительное снабжение города продовольствием и различного рода ангарии.

В Пизосской надписи содержится и указание на выделение в селах зажиточного слоя «пользующихся почетом», «уважаемых» лиц. Помимо местной общинной верхушки, к нему принадлежали, видимо, обеспеченные жители соседних городов, осевшие во Фракии и Нижней Мезии ветераны, которые приобрели у той или иной общины землю. О представителях городской аристократии, владевших имуществом на территории села, сообщают надписи из Спинопары в окрестностях Пауталии (IGBR. IV, 2192-2194). Горожане, обладавшие участками общинных земель, получали доступ к замещению магистратур в сельском управлении. Свидетельством этому может служить жертвенник из современного г. Шумен, поставленный в 155 г. н. э. гражданином Томи, который был магистром села (CIL. III, 7466). С III в. н. э. в эпиграфических памятниках, происходящих из сельских районов, появляются нехарактерные для более раннего времени упоминания о наследниках и завещаниях (IGBR. 111(1), 1320; III (2), 1690, 1852; IV, 2233), дарениях имущества (IGBR. IV, 2023), указывающие на проникновение в села частнособственнических отношений. Таким образом, с конца II - начала III в. н. э. во фракийских землях наблюдается процесс постепенного разложения сельской общины - явление, характерное в то время и для других районов империи.

Эти заключения носят в значительной мере предварительный характер. Однако, как представляется, они могут во многом определить дальнейшие направления исследования, тщательная разработка которых в конечном итоге может привести к обретению достаточно четкой картины общинных отношений крестьянства Фракии и Нижней Мезии в первых веках н. э.